

ЯН САТУНОВСКИЙ
СКВЕРНАЯ
ДЕВЧОНКА

КОМЕДИЯ В ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ,
ДЕВЯТИ СЦЕНАХ,
С ДВУМЯ
ИНТЕРМЕДИЯМИ,
ПРОЛОГОМ
И ЭПИЛОГОМ
1956

ПРАВОСЛАВНЫЙ ТЕАТР — КЛУБНОЕ ВОССТАНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВТОР, ОН ЖЕ ГОРУШКИН — НАУЧНЫЙ РАБОТНИК. ХУД, НЕРВЕН, СДЕРЖАН

МИЛЯ — «СКВЕРНАЯ ДЕВЧОНКА» С ГОЛУБЫМИ, СЛИШКОМ ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

ГЛЕБ — МОЛОДОЙ НАУЧНЫЙ РАБОТНИК

ПЕТРИКИН — СЛЕСАРЬ-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ, ЛЕТ ЗА 60

БОБОЛКИН — ПРОФЕССОР, ВЫСОКИЙ, ИНТЕРЕСНЫЙ, ЭРУДИРОВАННЫЙ. ОДЕТ НЕБРЕЖНО

ПОЛТОРАЕВ — СОТРУДНИК НИИ. ПОДРАЖАЕТ БОБОЛКИНУ

ВАЛЕРИАН СЕМЁНОВИЧ — КРУПНЫЙ УПИТАННЫЙ БЛОНДИН С ВЫПУКЛЫМИ СЛЮДЯНИСТЫМИ ГЛАЗАМИ

БАРЫШКИН — 30 ЛЕТ, НО УЖЕ ОБЛЫСЕЛ, РАСПОЛНЕЛ, ПЕЧЕНЬ, ПОЧКИ, ВЕСЬ В ПУХУ. ЛЮБИТ ВЫРАЖАТЬСЯ ПО-ПРОСТОНАРОДНОМУ: ВЧЕРАСЬ, ХОШЬ

НАЧАЛЬНИК ЦЕХА — ВДУМЧИВЫЙ, МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ, СЕДОГОЛОВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЛУВОЕННОМ ФРЕНЧЕ

ПРОСИНА — МОЛОДАЯ РАБОТНИЦА

ГАЛИНА МИРОНОВНА — СТАРАЯ ДЕВУШКА С НЕИСКРЕННИМ ГОЛОСОМ

ЛИДА — «ДЕЛОПУТКА» ЦЕХА

РОЗА ВАСИЛЬЕВНА — СОТРУДНИК НИИ

ДИРЕКТОР НИИ

СЕКРЕТАРША ГЛАВКА

ПОСЕТИТЕЛЬ ГЛАВКА

КОМАНДИРОВАННЫЙ

ДЕЖУРНАЯ ПО ГОСТИНИЦЕ

МОИСЕЙ ИЗРАИЛЕВИЧ

ПРОЛОГ

Кабинет директора НИИ. За столом с бордовой бархатной скатертью в кожаных креслах — члены ученого совета, сотрудники НИИ.

Директор (гулко, монотонно)

Прежде чем приступить, (подборматывает) предлагаю заслушать объяснения (подборматывает) автора этой, с позволения сказать...

Бобылкин (дергаясь)

Просим, просим...

Директор

Пусть доложит зрителям, (подборматывает) где он видел (подборматывает) персонажей этой своей...

Автор (выходит из-за кулис, бледный, измятый, неверной походкой направляется к рампе)

Прошу, товарищи, извинить, я немножко волнуюсь.

Полторышев (отрывисто)

Ха, ха, ха!

Автор (оборачивается)

Я хочу сказать, товарищи, что я ужасно волнуюсь. В самом деле, где я видел своих персонажей? Где?

Бобылкин

Где?

Полторышев

Где?

Автор

Где я видел заместителя директора по научной части, профессора, доктора технических наук, нашего милейшего Сан Саныча Бобалкина?

Бобылкин (вскочил, очень быстро)

Именем ученого совета Научно-исследовательского института по химизации и автоматизации производственных процессов — в скобках НИИ ХАПЭПэ — р'шите заявить категорический протест против всяческой инсинуации, фальсификации, инкриминации и тэзэ и тэпэ!.. (Как бы ввинчивается в кресло.)

Автор

Или, например, Барышкин... Технолог цеха инженер Петр Максимыч Барышкин. (Оглядывается.) Ах, его здесь нет, он в Мерекесе. (К директору.) А нельзя ли?..

Директор производит одним веком безразличное мановение.

Полторышев (бесцеремонно)

Петр Максимыч! Вас просят! Эй, кто-нибудь! Разбудите!

Гудок паровоза, свист, стук колес. По сцене мчатся лучи от вагонных окон. Из-за кулисы пошатываясь выходит Барышкин. Он обирает пух с телогрейки.

Барышкин (ворчит)

Ну, чего спрашивается?.. Ну, чего?.. Господа бога, отца и сына... Право слово, дыхнуть не дадут... Цельный день, цельный день вкалываешь, цельный день... (Поднимает опухшие веки, лицо его оживает.) А, кого я вижу! Совет наук! Наше вас распрощекое!.. (Кланяется.) А какой наемни, Пал Палыч, фитиль НИИ ЭМПЕКА вставили!.. (Плясничая, подсаживается к столу.)

Автор

Или, допустим, сам... Сам начальник ПЭТЭО главка Валерян Семёныч... (Директор делает запретительный жест) (Умолкает. Затем.) Так вот, вы спрашиваете, где я их видел?

Бобылкин

Где?

Полторышев

Где?

Автор

В там-то, товарищи, и беда. Если сказать «нигде не видел», «выдумал» — ведь вы все равно не поверите. Ну, а если по правде... Но ведь тогда все зрители сразу узнают, что никакой я не сочинитель, не автор, не драматург. И что это не пьеса, а просто случай из жизни... самой обыкновенной жизни... рядового научного работника...

Директор (что-то неодобрительно мычит, слышны лишь отдельные слова)

Конкре-к-тно... Компе-н-тентно...

Автор

Совершенно правильно, Пал Палыч. Бывшего научного работника. Я был им. Четырнадцать лет был. А сейчас...

За стеной хрипит радио: «Проверьте часы». Удары.

Директор:

Ваше... время... истекло...

Авторы (пятится за кулисы, увлекаемый неведомой силой. Отчаянно)

Нет, это ваше время истекло!

Гаснет свет.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА 1

Через секунду свет загорается. Тот же кабинет, окна зашторены, горят лампы дневного света.

Директор сидит за столом, вытянув шею и закрыв глаза. Те же, кроме Автора и Барышкина.

Бабичкин (ведет заседание)

Тише, товарищи, тише. Роза Васильевна, помолчите. У нас остался один вопрос.

Предупреждаю: вопросик клеузный, связанный с рацпредложением.

Шум утихает.

Р'шите проинформировать ученый совет, что на имя Пал Палча...

Директор открывает один глаз и снова закрывает.

Валерян Семёныч переадресовал заявление... (вынимает блокнот) по оказанию реальной помощи в реализации внесенного в БРИЗ Мерекесского завода... и тэда и тэпэ... Виктор Петрович, прошу...

Петаров (читает, с комментариями)

«Заявление. Уважаемый товарищ, восклицательный знак. Обращаюсь к вам с убедительной просьбой помочь освоению емаринб... емаринбванного»...

Бабичкин (подсказывает)

Эмалировального...

Петаров

Тут такое понакручено... «...емаринбванного станка для труб по предложению слесаря Мерекесского завода Петрушкина... виноват, Петрикина... Петрикина, Федора Кузьмича.

А для этого срочно направить к нам, в Мерекес, представителя от Науки... — надо же! — «Науки» — с большой буквы! Ну-ну! «...представителя от Науки товарища Горушкина. С уважением остаюсь... (фыркает) с уважением (фыркает) остаюсь техник Чиж». Умора, ей богу!

Бабичкин (недовольным тоном)

Вы резолюцию, резолюцию... (Отбирает заявление.) Внимание! «Разобраться и доложить». Всё.

Пауза.

Роза Васильевна (неожиданно бурно)

Слушайте, это же какой-то форменный бред!

Петаров

Чушь! Просто чушь! (Дергается, как Боболкин.)

Роза Васильевна

Слушайте, но ведь Горушкин у нас уже не работает. Работ в области эмалирования мы не ведем. Лаборатория ликвидирована. Надо так и написать. Переадресовать это куда-нибудь. Скажем, в НИИ ЭМПЕКа...

Боболкин (испуганно)

Нет-нет-нет! Ни в коем случае! Валерян Семёныч приказал: ни в коем случае! Это ему пригодится для диссертации... (Спохватывается.) Вы же знаете, с тех пор как Горушкин... Одним словом, после этого скандала... Валерян Семёныч и так относится к нам с исключительным предубеждением. И он прав. Он прав.

Роза Васильевна

Минуточку, Сан Саныч, я хочу задать вопрос Пал Палчу...

Директор открывает один глаз.

Бабичкин (быстро)

Мнение Пал Палча по данному вопросу...

Директор (открывает второй глаз, встает, усмехается)

Ну, мне пора. Вы тут... без меня.

Директор подходит к вешалке. снимает плащ песочного цвета, зеленую шляпу, розовую палку из прозрачной пластмассы; не прощаясь, уходит. Сразу же возникает шум. Все говорят вместе. Выделяется голос Розы Васильевны.

Роза Васильевна

...ведь это же просто-напросто погубить идею!

Боболкин

Минуточку внимания! Пал Палыч... (кивает на кресло директора, подчеркнуто) отнюдь не считает, что идея мерекесского товарища... и тэз и тэлэ... Но! Имеются но! Во-первых. К предложению приплетено одно весьма нежелательное имя.

Оживление.

Я имею в виду нашего бывшего товарища Горушкина...

Роза Васильевна

Почему бывшего?

Боболкин

Роза Васильевна, не придирайтесь! Имя товарища Горушкина в данном аспекте может вызвать нежелательные... мм... ассоциации... Во-вторых. Позиция самого Валериан Семёныча. Антр ну — будем откровенны. Позиция эта — весьма невесма... Тут еще надо провести глубокую разведку. Резюмирую (четко) — надо переждать! Надо выиграть время. А за это время... гм... гм... провести некоторые временные мероприятия.

Роза Васильевна

Например?

Боболкин

Например: направить в командировку на Мерекесский завод старшего научного сотрудника товарища Полтораева. Да, да, Виктор Петрович, не делайте круглые глаза, именно вас! Потому что ведь это, товарищи, все равно что... (Он не договаривает. Всем ясно и так. Боболкин даже смущается). Н-ну, и может быть... (обводит присутствующих взглядом) дать ему в помощь кого-либо... Ага! Вот, например, наш новый сотрудник, товарищ... (К Глебу.) Как ваша фамилия?

Все оборачиваются, смотрят.

Глеб (заливаясь краской)

Мартов, Глеб Анатольевич.

Боболкин

Совершенно верно! (Заметно повеселев.) Направить в командировку товарища Полтораева и товарища... Как вы сказали? Пусть они там, так сказать, на месте...

Глеб

Принять, принять...

Все встают, уходят.

Боболкин (Полтораеву, на ходу)

Виктор Петрович, ознакомьте товарища, завтра оформляйте командировки. (Уходит.)

Полтораев направляется к Глебу.

Полтораев (Глебу)

Старший научный сотрудник Полтораев. Очень приятно.

Глеб неразборчиво представляется. Пожимают друг другу руки.

(Аффектированно.) Слушай, ты как сюда попал?

Глеб

По направлению. Прихожу к профессору Боболкину — так и так. А он меня за рукав: «Пойдемте, пойдемте» — и сюда.

Полтораев (отрывисто хохочет. Внезапно серьезно)

Да, влипли мы с тобой, как кур во щи.

Глеб

Влипли?

Полтораев

Безусловно. Грязная история. И потом — ни за что ни про что трястись куда-то к черту на рога, в Мерекес. В поезде не продохнешь. Кошмар!

Глеб

Действительно.

Полтораев

Слышал? «Трах-тах-тарарах, я директор, ты дурак, ты директор, я дурак!» (Хочет. Неожиданно солидно.) Ну, я пошел. (Раскланивается.)

Глеб

(собирает книжки, тетради. Мечтательно.) Наука... Наука с большой буквы!

Занавес

СЦЕНА 2

Конторка начальника цеха. Он сам слева, за столом. Перед ним Просина, в белом халате. Справа, на диване, полудрежит Барышкин. Его стол справа, в глубине. У стены — эмалированная мешалка, вроде голубого якоря, метра три высотой; другие детали аппаратуры. Звонят телефоны, сразу на обоих столах.

Начальник (в трубку)

Эмальщик Мерекесского завода. Нет, нет, посуды не выпускаем. Химическую аппаратуру. (Кладет трубку на рычаг, медленно Просиной.) Так ты говоришь, Просина...

Просина

Алексей Сеич, пустите меня, на три денечка. Ну, просто-таки позарез...

Звонит телефон. Начальник смотрит на Просину.

Барышкин (не вставая с места, тянет за провод трубку, дует в нее)

Ау!.. Лексеич? Тута. А кто спрашивает? А-а, доброго здоровичка... (К начальнику.) Лексеич, ну-ка... из парткабинета. (Привычным жестом кидает трубку на рычаг.)

Начальник (медленно отводит глаза от Просиной. В телефон)

Рязанцев слушает. Так. Так. Хорошо, буду. (Снова Просиной.) Так ты говоришь...

Просина

Алексей Сеич, просто-таки никакого выхода нет. Мой-то на плавке, ему никак. А меня любая подменит. Я с мастером договорилась, пустите, Алексей Сеич...

Начальник

Так ты говоришь... (Барышкину, живо.) Слышал, Петр Максимыч, (кивая на Просину) а?..

Барышкин (быстро встает с дивана)

Чего? Ну-ка, Просина, расскажи... (Садится за стол. Звонит телефон. В трубку.) Ау? Лексеича? Нету его. Занят, занят, позвони попозже...

Начальник (не сводит с Просиной взгляда)

Ты расскажи, расскажи, Просина...

Просина (очень охотно)

Вот я и говорю. Мишку-то моего, исключают, говорю, из садика...

Начальник

Постой, постой, это из какого еще садика?

Просина

Как то есть из какого? Из обыкновенного. Из детского. Исключают, Мишку-то. За хулиганство. На три дня и так еле упросила. Теперь, вот, к Алексей Сеичу, с отпуском. Съезжу, думаю, за матерью в деревню. А не то с кем же я его, соплицца такого, оставлять стану?.. (Внезапно всплакнула.)

Барышкин (с удовольствием)

Ну-у? За хулиганство? Это Мишку-то?

Начальник

Ты расскажи, Просина...

Просина

А чего тут рассказывать? Исключают и все. Хулиганит, мал, Мишка-то. Третьего дня опять одной девчонку укусил. Заведующая говорит, он у тебя, говорит, рыцывидист... (Утирает глаза красным халатом.)

Барышкин

Ну-у, Мишка? А у него зубы-то есть?

Просина

А как же, Петр Максимыч! Уже, чай, три годочка. Зубки есть, как же, давно уже. Большой мальчонка-то. Я ему и так и сяк... А чего он, спрашивается, понимает? Ум-то у него ребячий...

Просина

(торопливо входит, забирает со стола Барышкина бумаги, к Просиной)

Все про хулигана своево? (Уходит.)

Начальник (всё смотрит на Просину)

А помнишь, Петр Максимыч... (Оторвал, наконец, взгляд от Просиной, подписывает заявление. Притворно-строго.) В последний раз, Просина, учти. Ну, иди, скажи мастеру.

Просина уходит, провожаемая его взглядом.

А помнишь, Петр Максимыч, как мы эту самую Просину в цех принимали? Совсем девчонку еще, только носом шмыгала. А нанче, гляди-ка: сын — правонарушитель. Стареем, эх, стареем, Максимыч!..

Барышкин (равнодушно)

Ну, ты еще ничего, Лексеич, ты еще...

В дверь входит Петрикин, в слесарской изоржавленной спецовке, с клуппом для нарезки труб и гаечным ключом.

(Радостно.) А, знатный изобретатель, заходи, заходи!

Петрикин (подходит к начальнику)

Разрешите? К тебе, товарищ начальник. Ремонтировал тут у вас, ну и... Лексей Лексеич, честью прошу — уважь. Разреши. Ну, хоть для пробы...

Начальник (возвратившись на Петрикина, строго)

Не могу! Не могу, товарищ Петрикин. (Смягчаясь.) И потом, чего ты ко мне ходишь? Иди к директору.

Петрикин

Лексей Лексеич...

Начальник

Да не могу, Федор Кузьмич. Я в это не вникаю. Давай, поговори с Максимычем. А я... (Встает, похлопывает себя по груди. К Барышкину.) Ну, Петр Максимыч, перекрести. К самому иду. Насчет змеёвиков думаю, пусть добиваются, снимают с плана. (Уходит.)

Барышкин (К Петрикину)

Подём-подём, посидим на диванчике. (Разваливаясь.) Месяц только началс — и... План — сто процентов. Эх, старые косточки паразмьят...

Закуривают.

Ну, как, Федор Кузьмич, на рыбалку ездешь?

Петрикин (поперхнулся дымом)

Тут разве... Петр Максимыч, который раз прихожу...

Звонит телефон. Петрикин замолкает.

Барышкин

Валяй-валяй. Ты говори, Кузьмич. Говори, ей-богу. Почему не послушать хорошего человека?

Петрикин (догадывается, что из разговора толку не будет, но все же продолжает)

Да ведь с хорошим человеком почему не поговорить? Вот я и говорю, Максимыч, помнишь, приезжал к нам Горюшкин, Григорь Василыч? Из НИИ...

Барышкин

Ну-ну-ну? Да знаю, знаю, кривомордый этот, горлохвост... Ты говори, Кузьмич.

Петрикин (укоризненно.)

Петр Максимыч!.. Вот он то, Горюшкин-то, нас и надоумь. Отчего, говорит, брак эмали? (Встает с дивана, жестикулирует.) Да оттого что... Сколько у вас аппарат в печи сидит? Шестьдесят минут! Час! А окалиной сколько же за этот час металлу изойдет? (Торжествующе.) Вот, она-то, окалина-то, брачком-то и оборачивается. (Показывает на мешалку.) Она-то сквозз эмаль прободение дает. Видишь ты!..

Барышкин (нежно)

Ну, а тебе-то, чертушка, тебе-то что? Ты, что ль, за это в ответе? Ка-кой выискался, хоть бы еще из нашего цеха, а то ведь пришей кобыле хвост — из сварочного. Тебе-то что?

Петрикин

Что ж, Петр Максимыч, хоть бы и из сварочного! Думать-то везде дозволяется. Вот мы и стали думать, Максимыч... Думали-думали... И придумали так...

Входит Лида.

Лида

Петр Максимыч, срочно...

Барышкин

Погоди, погоди. Давай немного погоды. Я занят. С рацпредложением тут...

Лида, вздохнув, кладет на стол бумаги, уходит.

Петрикин (продолжает)

И придумали... Что, думаем, ежели нам трубу поставить на токарный станок? (Пауза.) Поставить на станок, запустить вращение. А на суппорте (показывает) укрепить газовую горелку от сварки — и пушай идет своим ходом. Жик-жик-жик! — за пять минут труба готова! Ведь это что, Максимыч? Ведь это каждый квадрат (показывает пальцами) будет сколько же нагреваться? Три секунды! Три! Ведь это какая же тут окалина может произойти? Комар носу не подточит. Ей-богу, так.

Барышкин (смеется, похлопывает Петрикина по плечу)

Ну, силен, ну, силен, Кузьмич. Слушаю тебя и не нарадуюсь. Молодец, старый черт. Ну, просто-таки, Мерекесский Эдиссон! (Меняя тон.) Петрикин, а чего тебе от меня надобно?

Петрикин

Отпусти нам жаростойкой эмали, Максимыч, килограммов хоть пять. Мы бы испытание провели.

Барышкин

Грамму не отпущу. Я ведь тебе, черт эдакий, давал уже? Ну, говори, довал?

Петрикин

Так ведь тогда, Петр Максимыч...

Барышкин (перебивает)

Давал! Уши развесил, сам ходил, глазел на вашу перлétую-мобиле... А вы что? Запустили горелку, всю трубу перекарежило... Что, не так?

Петрикин

Да ведь мы тогда, Максимыч, сам знаешь как — сходу. Ни люнетов, ни компенсаторов не подделали, ничего. Вот ее, трубку, и повело...

Барышкин

Ну, а теперь чего, теперь?

Петрикин

Теперь все по науке. Теперь без сомнения. Уважь, Максимыч, выдай эмальки, будь такой ласковый. Мы нынче же после работы и испытываем, Месей Здравич разрешил.

Барышкин

А вот мы сейчас спросим у Мойсей Израйлевича. (Встает, подходит к столу, снимает трубку телефона.) Сто первый. Ты, Мойсей Израйлевич? Привет, Барышкин. Что же это ты, брат, слесарей как распустил. Разболтались, ходят по чужим цехам, рацпредложениями разбрасываются. Да вот, Петрикин, Федор Кузьмич. Ремонт? Какой ремонт? Да он его уже минут... (смотрит смеющимися глазами на Петрикина) часа два как закончил. Да нет, у меня тут торчит, сам дела не делает и людям мешает. Ты его вздрючь, Мойсей Израйлевич, да посильней. Ну, ладно, так... (Кладет трубку. Смотрит на Петрикина сияющими глазами нашкодывшего и получившего от этого большое удовольствие мальчишки.) Вот так, товарищ Петрикин.

Петрикин

Так, так, Петр Максимыч. А ты, оказывается... шутник!

Занавес

СЦЕНА 3

Приемная Валериана Семёновича. Мягкая дверь с tambуром наружу. Обстановка — как во всех таких приемных. На стуле — посетитель делает судорожные движения кadyком. Секретарша печатает на машинке. Входят директор и Боболкин.

Директор (усмехаясь)

Начальство?

Секретарша

Здравствуйте, Пал Палыч! Валериан Семёнович обедает. Как только придет...

Директор, усмехаясь, вынимает из кармана большую конфету, кладет на стол. Секретарша накрывает ее бумагой.

Секретарша

Пал Палыч, что это вы к нам как редко заглядываете? Кажется, соседи, наведальсь бы. Тут некая девица (значительно) так просто до смерти соскучилась.

Директор (усмехаясь, кладет еще одну конфету, подходит к Боболкину)

Кстати... Полтораева уехала?

Боболкин

Вчера вечером, Пал Палыч, в 23:00.

Директор (что-то бормочет)

Справится?

Боболкин

Ручаюсь. Как за себя. Виктор Петрович для таких операций (производит руками странные жесты, обозначающие энергичную бездеятельность) совершенно незамечимый человек.

Директор

Мм... а второй?

Боболкин

Мартывич? Ну, это ведь так, музыкальное сопровождение. А вообще, Пал Палыч, он у нас человек случайный. Неподходящий

человек. Кандидата из него не выйдет, хватки нет. Идеалист какой-то.

Директор (производит одним веком брезгливое мановение)

Ну, я... (Уходит.)

Боболкин (улыбаясь посетителю)

Очередь? Я за вами. (Приглядывается.)

Я вас где-то видел. Вы не из Электроторска? Прелестный городок. Я только недавно проезжал. Мы там собирались внедрять одно небольшое рационализаторское предложение. Собственно, почти изобретение. Наш Научно-исследовательский институт по химизации и автоматизации производственных процессов...

Посетитель

Короче...

Боболкин

Короче? НИИ ХАПЭПэ. Наш НИИ ХАПЭПэ...

Посетитель

Короче...

Боболкин (смущенно)

ХАПП. Через два Пэ. Короче нельзя...

Посетитель

Короче... говоря... Я не из... Электроторска... Я из... из... Гвиана... не интересуюсь... (Продолжает двигать кадыком.)

Боболкин обиженно замолкает. В приемную входит Горушкин, он сразу становится спиной к зрителям. За ним улыбающийся Валериан Семёнович.

Валериан Семёнович (предупредительно)

Пожаа'ста, тээц Горушкин, пожаа'ста...

Нет, уж вы первый. (К посетителю.)

Вы ко мне, тээц? Простите, один момент...

(Входит в кабинет, выносит стопу

бумаг, отдает их Горушкину.) Так вы,

пожаа'ста подредактируйте сей...

(шутливо) плод ночей безумных.

Э, всё, знаете, недосуг. Дела, дела!..

Я тут, в общем, подобрал кое-что

из ваших старых отчетов, так что

матерьяльчик, хе-хе, знакомый. Ведь

вы-то, я думаю, не собираетесь диссер-

тировать? Ну, и... (Важно.) Я кое-что

добавлю. Я, знаете, изобрел недавно один

оригинальный станочек. Для эмалирования

труб. Угу! В настоящий момент провожу

испытания на Мерекесском заводе. Очень, очень... Ну, это мы потом... (Роняет несколько листов, оба наклоняются.) Простите, один момент. (Проходит к себе в кабинет, тут же выходит с зеленой ленточкой в руке, другую руку держит за спиной.) Пожаа'ста, перевяжите...

Горушкин перевязывает, а Валериан Семёнович вкладывает ему в карман плаща коробку конфет, говоря при этом.

Да, друг мой, все дело, дела... А славно бы, эдак, махнут месячишка на два-три куда-нибудь в Мацесту, в Сочи. (Спохватывается.) Ну, а ваш вопросик — мы его пересмотрим, э, пересмотрим. Вот, кстати, здесь и замдиректора ваш... (Быстро проходит к двери, зовет посетителя.) Пряа-шу... (Входит в кабинет.)

Горушкин уходит. Боболкин мотается по приемной, дергается. Секретарша в это время развернула конфету, выдвинула ящик стола, там у нее книга.

Боболкин (зашел сзади, кивая на книгу)

А, «Королева Марго!» Изумительно, а?

Секретарша (задвигая ящик)

Ерунда. Скажите — неужели правда про Пал Палча... будто бы его называют Угрюм-Бурчевев? Он ведь всегда такой улыбающийся. Интересно, сколько ему лет?

Боболкин (игриво)

Секрет. Вы знаете, один философ сказал: мужчине столько лет, сколько ему дает дама. Это глубокая мысль, глубокая мысль!..

Из кабинета, кланяясь, выходит посетитель. За ним Валериан Семёнович. Посетитель уходит.

Валериан Семёнович

Э, еще вы... (Подходит к Боболкину.)

С'ыште, вы... Вы мне эти штучки-мучки

бросьте. Мне сегодня опять звонили.

Да, да, да, из Мерекеса. Так там до сих

пор равным счетом ничерта не делается.

Па-че-му, я вас спрашиваю?

Боболкин

В'ян Семёнч, В'ян Семёнч, уже! Направили бригаду под руководством товарища Полтораева...

Валерий Семенович (недовольным тоном)

Н-ну, разведут шумиху. Мне шумиха не нужна. Мне — чтоб дело было. Результаты опытов. В таблицах. С фотографиями. С полной технологией. Адресовать лично мне. Мм?

Боболкин

В'ян Семёнч, старший научный сотрудник Полтораев, Виктор Петрович...

Валерий Семенович (передразнивает)

Виктор Петрович, Виктор Петрович... (Оглядывается на секретаршу, та уходит в кабинет.) С'уш-ка, Саня... Ты это брось. Ты с кем имеешь дело?

Боболкин

В'ян Семёнч...

Валерий Семенович

Какой я тебе, к дьяволу, Валерий Семенович? Память отшибло? Смотри — напоми!

Боболкин

Валя, Валя, чест-слово, я ведь от всей души...

Валерий Семенович

Брось!

Боболкин опускает голову.

То-то! (Меняет тон.) А Горушкин твой — видал-миндал? Угу, три месяца попрыгнешь без работы — взвоешь. Я ведь с ним тоже запросто, как с тобой — помнишь, Саня, — тогда... С наукой иначе нельзя. Ты мне, я тебе. Квиты. Эх, Саня, Саня, да для меня эта диссертация... Ведь тут кругом такой народ — вплоть до министра!.. Мы ведь, Саня, с тобой, всё же таки в их глазах... бельмо... А с такой маркой... Кандидат наук!... Ого! Да я сам всех с костями сожру! Сам! (Меняет тон.) А вы — По-пу-гаева, Виктор Петровича... Чего он стоит? (Берёт за пуговицу.) Сами! Сами поезжайте! Чтоб у меня диссертация через месяц была в кармане. Ясс?... (Поворачивается, уходит в кабинет.)

Боболкин (отряхиваясь)

Ясно. Разведка сделана. Вопросов нет.

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ

Кабинет директора школы — Павлы Павловны. Павла Павлавна (это переодетый в женскую одежду директор НИИ) сидит за столом, напоминающим кафедру. На стенках — портреты, диаграммы.

Директор звонит, подняв звонок.

Глеб (входит)

Здравствуйте, Пал Пална...

Директор что-то произносит вроде «ЕАУЫ».

Пал Пална, за что?

Директор делает движение веком. Глеб садится за парту.

Пал Пална, как к вам попала моя поэма?

Директор звонит, подняв звонок. Входит Александра Александровна — переодетый Боболкин.

Боболкин

А, нарушитель уже здесь? Явился? «Она явилась и, как говорится, зажгла, зажгла», Мартов, как дальше?

Директор делает движение веком.

Совершенно верно, Пал Пална. Порнография. Ну, понятно, не Барков. До Баркова еще, понятно, далеко. Помните, Пал Пална: Дом двухэтажный занимаю, В Москве у нас жила-была...

Директор делает движение веком.

Совершенно верно, Пал Пална. Неприкрытая порнография в скрытой форме. Барковщина. А почерк, почерк чей? (Торжествующе.) Почерк Глеба Мартова, восьмой Бэ! Бэ!

Директор протягивает Глебу тетрадку.

Глеб

Нет, я не стану читать. В конце концов, это лирика. Лермонтов тоже писал...

Директор встает во весь рост, открыв рот, с трясущимися, дурно выбритыми щеками. Несколько секунд молчания.

Ну, хорошо, я прочту. Пожалуйста. Только это никакой не Барков. Хлебников говорил... Помните, у Бориса Пастернака есть одно стихотворение...

Боболкин (оборачиваясь к директору, разводит руками)

Ну вот, пожалуйста, Пал Пална!..

Глеб (читает, нервничая и петушась).

Взгляни на меня, взгляни на меня, взгляни на меня,

Махни на меня ресницами своими длинными, Своими длинными, своими синими-синими Ресницами, приснись мне хотя бы, любимая.

О, мне достаточно одного взгляда женщины, И мне достаточно одного слова женщины.

О, даже слишком много — одно слово женщины,

Не отвечай мне, молчи, махни ресницами.

Я даже мысленно не назову твоего имени, Я даже в шутку не попрошу любви твоей.

С одной единственной обращаюсь молитвою:

Взгляни на меня, взгляни на меня, взгляни, взгляни на меня!

Молчание.

Боболкин

Уловили, Пал Пална? Одного взгляда женщины... Одного слова женщины... Одним словом, женщина, женщина, женщина! Не товарищ, не соученица, даже на худой конец не девушка, а вот именно — женщина!

Глеб

Сан Санна, у Блока тоже — Прекрасная Дама...

Боболкин

Ну, вот. Докатались. В советской школе, в восьмом Бэ — Бэ! — дама...

Директор что-то произносит.

Совершенно верно: какая дама? Кто? Кто? Имя-отчество-фамилия?

Глеб

Я даже мысленно... я даже мысленно не назову ее имени...

Боболкин

Мысленно — пожалуйста. А ты просто — головой кивни. Ну, кто? Галя Садовская? Маринка Берендс? Лёля Шувалова? Может быть, Катюша Пикуленко? Она ведь тоже... ничего...

Глеб (в ужасе)

Я даже мысленно... даже мысленно... (Пятясь, уходит.)

Директор (встает, с трясущимися щеками выталкивает из себя)

Ис-клю-чить!..

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА 4

Лаборатория исследовательской группы Мерекесского завода. Два больших письменных стола, посредине — лабораторный стол, на нем несколько бутылей, бюреток, колб.

Аиля

Ну, и кто же он? Ну и кто?

Галина Мироновна

Старший научный сотрудник Полтораев, Виктор Петрович!

Мил:

Полтораев! Виктор! Старший научный! Наверное, поживой?

Галина Мироновна (хлопает себя по лбу)

ТЬфу, совсем из головы вон! Жених! С ученой степенью!

Аиля (в восторге)

Жених со степенью! Ах, как интересно!

Галина Мироновна

Кандидат химико-технологических наук!

Мил:

Химико-технологических? Таких не бывает.

Галина Мироновна

А вот бывает! Не хотите слушать, ничего больше не скажу.

Не оттого ли нынче день хорош,
Что светлым кронам листья тронул дождь,
Что воздух свеж, что пыль прибита...

Входит Миля.

Ох, как вы меня напугали...

Я?

Ах, не возражайте. Даже сердце бьется.
Потрогайте, вот здесь, попробуйте...

(отступая на шаг)
Что вы!

А я вас сразу узнала! Я себе так точно
и представляла. Вы ведь из НИИ ХАПэПэ?

Научный сотрудник... (Неразборчиво.)

Миля. Людмила Степановна. Техник. Вот мы
и знакомы. Представляю, как взбесится
наша фруу-мадам...

Глеб недоумевает.

Ну да, Галина Мироновна наша.
Она ведь думает, вы еще у директора.
А я... Вы представляете, у меня точно
предчувствие какое... Дай, думаю,
забегу за посудой. Окефирить молочные
талоны. И вдруг какой сюрприз! Ну, что же
вы стоите, как истукан? Рассказывайте
что-нибудь.

Да я, собственно... Вот, прибыли к вам,
познакомиться с технологией. Насчет
труб.

Ах, я не о том. Расскажите, как живет Мос-
ква? Какие (растягивая слова) спектакли,
премьеры? Ах, не смейтесь, только вчера
мы с Павликом... (Останавливается.)
Это один мой знакомый. Такой чудак.
Он учится на машиностроителя, но...
вы не подумайте, пожалуйста, ничего...

Да я ничего.

Входит Галина Мироновна.

Ах, Галина Мироновна, родненняя, рас-
скажите. Я ведь в жизни, ну, в жизни никуда
отсюда не выезжала. И ни единого кандидата
со степенью в глаза не видывала. Были у нас
в техникуме профессора, преподаватели
всякие, а кандидатов — ни одного. Или я тог-
да вовсе дура была беспросветная, не сооб-
ражала...

(смеется)

Пойти, что ли, к Марье Иванне, предупред-
дить...

Галина Мироновна уходит, за ней Миля.
Капают из крана. Входят Барышкин и Глеб.

Исследовательская группа Мерекекского
завода. Прошу.

(рассматривает приборы, указывает
на один)

Устарел уже; нас учили, теперь новые.

(машет рукой)

Все одно! Люблю я с ним заниматься.

Как этого, ловко, вода сквозь трубочки —

буль-буль-буль... буль-буль-буль... Люблю!

Вот так, товарищ, вот так... Располагайтесь.

Отдохнете денек-другой, а потом и к нам. Мы
тут поблизости — эмальцев все знают. Слава!

Вы не беспокойтесь...

Какое беспокойство! Очень рад, что встре-
тил. Товарищ-то еще когда кончит с началь-
ством беседовать. А вас он найдет — его
сюда же направят, уж это заведено.

Тут что же, двое сотрудников?..

Девицы. На любой вкус. Галинушка,
та посолдней. Ну, а Миленочек-теленочек,
эта поминиатурней. (Напевает.) «Миньятур-
ных, миньятурных!» Э, да вы, как я погляжу,
угодник!..

Что вы!..

Барышкин, грозя пальцем, уходит.

(Подходит к лабораторному столу,
рассматривает приборы. Вполголоса.)

Галина Мионовна (всплескивает руками)
 Вы-ы уже здесь! Здравствуйте! А я-то, я-то... Наша Милечка нигде не упустит... (Знакомится.) Начальник исследовательской группы. Ну, что новенького в Москве? Какие... (подчеркнуто) спектакли, премьеры? Да вы присаживайтесь. Мы вас так ждали, товарищ Полтораев, так ждали...

В дверь врывается Полтораев.

Полтораев (резко)
 Ты уже здесь? Почему не подождал? Самостоятельность проявляешь? (Обходит девушек, по очереди.) Старший научный сотрудник Полтораев. Очень приятно!

Галина Мионовна
 Так это вы Полтораев? А я думала...
Миля (хохочет)
 Ой, не могу! Ой, мамочки, не могу!..

Гаснет свет

СЦЕНА 5

Через несколько секунд снова свет. Та же лаборатория. Вечер, открыто окно. Миля сидит на столе. Глеб стоит у двери.

Миля
 Ну, что же вы не уходите? Я же вам сказала. Не желаете разговаривать, пожалуйста. Плакать не буду.

Глеб
 Людмила Степановна, я...

Глеб возвращается, садится на другой стол. Миля пересаживается на подоконник.

Миля
 Эх, вы!.. Ни капельки самолюбия. Была бы я мужчиной...

Глеб
 Людмила Степановна, всему есть предел... я, в конце концов...

Миля
 Что? Договаривайте.

Глеб
 Ну, вот. Почему вы на меня так смотрите?..

Миля
 Как?

Глеб
 Загадочно...

Миля
 Так. Тренируюсь.

Глеб
 Тренируетесь? На мне?

Миля
 Ага. А мне безразлично на ком. Знаете, Петр Максимович Барышкин, технолог наш... Так он говорит: «Эх, милёнок, милёночек, быть тебе телянчиком, пока не научишься мужчин обвораживать!»

Глеб
 Барышкин? Какие глупости. А ведь он уже... пожилой.

Миля
 Это для вас, для мальчиков пожилой.

Глеб
 А для вас? Для девочек?

Миля
 Для девушек он еще вполне подходящий. (Меняя тон.) Ух, и противный же он, этот Барышкин!

Глеб
 Какая вы... интересная, Людмила Степановна!

Миля
 Ага. Это мне многие говорят. Вы лучше что-нибудь пооригинальней.

Глеб встает, садится на подоконник. Миля переходит на его стол.

Глеб
 Людмила Степановна!

Миля
 Ага. Мне и здесь слышно.

Глеб
 Нет, серьезно, Людмила Степановна. Вы, что, кого-нибудь ждете?

Миля
 Я же сказала. Одно молодого человека.

Входит Петрикин.

Петрикин
 А Галина Мионовна... тю-тю?..

Миля
 Тю-тю, Федор Кузьмич, тю-тю...

Федор Кузьмич, миленький, ну, как ваш Чушенька поживает? Выздоровливает?

Петрикин

Чушка-то? Живет! Прозревать стал!

Маша

Федор Кузьмич, неужели правда? Расскажите, Федор Кузьмич, дорогой, как вы его?..

Петрикин

Так ведь ты уж, дочка, слыхала, небось. Да и товарищу неинтересно.

Антон

Что вы, Федор Кузьмич! Очень даже интересно...

Петрикин

(садится за стол Галины Мионовны) Вот, значит, нарвали мы осенью со старухой картошки, привезли ее, половину в подпол сложили, а другую в сарай. Ну, и солодкой, знаешь, притрусили, до холодов чтобы... Время идет, дни за днями... Вот как-то говорит мне старуха: «Федь, а Федь... У Филипповны-то, говорит, у соседки, поросеночек пропал. Черноносый, с отметиной. Гляди, украл!» Ну, сказала, и все. Проехало, одним словом. Однажды приходит ко мне приятель, Федор Иванович Шишкин. Мы с ним еще вместе на Отчественной были. Ага, на войне. Вот Федор Иваныч и говорит: «Тезка, говорит, возьми у меня поросеночка. Недорого прошу». Ну, старуха и прилепись: бери да бери. Что поделаешь? Взял, значит... Нда-а... (Глебу.) А вы, товарищ, сами-то откудова будете? Не из Москвы, часом?

Глеб

Из Москвы. Я из института.

Петрикин

(радостно) То-то я... Так, так, так... А вы там, в институте, Горюшкина такого, не знаете? Григорь Василича?

Глеб

Нет, я только слышал о нем.

Петрикин

А, слышали.. И что ж, как он поживает, Григорь Василич, не знаете?

Глеб

Да как будто неважно. Из НИИ ХАПЭПз ведь его уволили. Точно не знаю. Какое-то, в общем, темное дело.

Петрикин

Темное? Да уж это, точно, темное. Куда темнее!

Глеб

И еще слышал я, вроде он нигде не устроился. Добивается, будто бы, на старое место. Ну, да, знаете, пока суд да дело...

Петрикин

Так-так, молодой человек, так-так... А адресочек-то его не имеее, адресочек?

Глеб

К сожалению.

Пауза.

Петрикин

Так-так. Такие, значит, дела... Придется на адресный стол писать... Пусть разыскивают.

Маша

Федор Кузьмич, а про Чушеньку?

Петрикин

Другим разом, дочка, другим разом. Доброго вам здоровьичка, молодые люди. (Уходит.)

Глеб

Чудной какой старикан. Неужели ему краденого поросенка подсунули?

Маша

Да ну... (Машет рукой.) Хочешь, расскажу?

Глеб

Хочу.

Маша

(в точности подражая Петрикину) «Вот, дочка... Поставил я над картошечкой отвод, трубку, значит, такую... Кругом землей накрыл, досточками обшил. Ну, думаю, теперь в целости будет. Зимой-то старуха все из подпола брала. Ужо, считай, в марте месяце сунулся я в сарае откапывать. Досточки пооббил, землю лопатой — шир, шир, шир, — глянул, а там — пусто... Картошки-то нет!»

Глеб

Да ну!

Маша

«Вот тебе и ну! Туда, сюда, фонарь засветил, дивлюсь — яма! А на дне-то, в яме — свинья! Ба-альшу-ущая!»

Глеб

Свинья? Откуда свинья?

Маша

Да не мешай! «Ну, вытащили. Старуха моя — в обмороке. Господи Сусе Христе! Воскрес! Из мертвых воскрес!»

Глеб

Кто воскрес?

Миля

Фу, какой ты! Пропаший воскрес — черноносенький!

Глеб

С отметинкой?

Миля

«А сейчас за Чушкой профессор наблюдение имеет. Это, грит, Федор Кузьмич, редкий случай в международной ветеринарской практике. И Чушка теперь не просто себе Чушка, а научный фе-но-мен!»

Глеб

Миля, ты сама феномен! Ты артистка!

Миля

(спокойно)
Спасибо. Наконец, дождалась от вас, Глеб Анатольевич, оригинальненького. К Чушке приравнивали.

Глеб

Вы — настоящая артистка, Людмила Степановна. Вам надо учиться, идти в театр. Зачем вы здесь сидите?

Миля

Так. Тренируюсь. (Задумывается.) Ах, артистка, артистка! Артисткой быть — сердцу воли не давать. Всю жизнь держи сердце на привязи... Всю жизнь...

Глеб

Наоборот...

Миля

Наоборот только раки ползают. (Меняет тон.) А вы знаете, Глеб Анатольевич, кто это приходил?

Глеб

Знаю. Мичуринец-свиновод.

Миля

Не остроумно. Вы ведь насчет эмалирования труб приехали? Так вот, это Федор Кузьмич Петрикин, изобретатель-рационализатор. Между прочим, автор станочка. Вот... (Наслаждается произведенным эффектом.)

Глеб

(ошеломлен)
Как Петрикин? Я его представлял совсем другим... Черт возьми... (Бормочет что-то.) Тут ведь у вас еще один есть — некий Чиж. Техник. Он, что, тоже соавтор предложения?

Миля

(смущенно)
Да нет, он просто так, помогает Федору Кузьмичу. А что?

Глеб

Людмила Степановна, обрисуйте мне, что за дядя этот Чиж? Каков собой? Чтобы мне, знаете, опять впросак не попасть.

Миля

(с удовольствием)
Пожалуйста. Это наш... спортсмен... Тяжелоатлет. Такой лысоватый. С усиками. В общем, интересный мужчина.

Звонит телефон.

Глеб (снимает трубку)

Слушаю... Товарищ Чиж? Такого здесь нет. (Кладет трубку.)

Миля (бросается к телефону)

Алё, алё! Да, да. Я слушаю! Павлик, почему так поздно? Ага, один молодой человек. Очень симпатичный. Почти кандидат, только без степени... (Глебу.) Не верит. Возьмите трубку.

Глеб не движется. Он потрясен.

(В трубку.) Ах, Павлик, он такой стеснительный, не то что... Иду, иду... (Глебу.) Прощайте, Глеб Анатольевич. (Убегает.)

Глеб (смотрит в окно, потом оборачивается).

Техник Чиж! Артистка! Бабанова!

Занавес

СЦЕНА 6

Закуток в сварочном цехе. Прямо против зрителей — старенький токарный станок. Возле него суетится Петрикин. Миля в негнущейся спецовке сварщика подводит шланги от баллонов к горелке. Сбоку на табуретке — Полтораев, на задранном куске рельса — Глеб.

Петрикин

Вот он, стало быть, и станочек наш. Дочка, готов?

Миля

Кончаю, Федор Кузьмич.

Петрикин

Надо поживей, а то, хоть оно времячко и позднее, а вдруг Месей Здравич набежит, пожалуй, не поздравствует нас.

Петрикин (делает круглые глаза, громко)
Ха-ха-ха!

Полтораев (оборачивается)
Да, да, да, товарищ Полтораев, такие у нас порядки. Ровно воруют что. Вы там расскажите у себя, разъясните начальству. (Вздыхает). Эх, горе какое, Горюшкина-то... Григория Васильича...

Глеб (Полтораеву)
А какой он из себя хотя бы, этот Горушкин?

Полтораев (безапелляционно)
Горушкин? Самый обыкновенный. Как будто только что из трамвая выскочил.

Глеб
А тот... Валериан Семёнович?

Полтораев (с восхищением)
Тигр. Дрессированный тигр.

Петрикин
Погляжу я, как вы людей определяете. Ровно бирку на шею. А как бы вы, любопытно, нашего технолога Петр Максимыча определили?

Полтораев
Барышкин? Широкая натура, богатырь...

Петрикин
Гм, гм... Ну, а, допустим, меня?

Полтораев
О присутствующих не говорят.

Миле (резко)
За глаза только? Федор Кузьмич, будто бы всё.

Петрикин (волнуется)
Съединила? Ну, благославься! (Вынимает часы. Щелкает крышкой от футляра. Включает станок. Видно, как между центрами вращается труба.) Дочка, давай!

Миле подносит спичку к горелке. Вспышка. Шум сварки. Яркий факел начинает двигаться вдоль трубы, раскаляя ее. Петрикин, раскрывая рот, что-то говорит Миле, Глебу. Наконец с легким треском факел гаснет.

Тютелька-в-тютельку: полторы минуты.
(Оттирает концами пот). Ну, вот, всего и делов.

Миле
Как на примусе! Правда?

Полтораев
Ха! Вот именно: примус!

Петрикин (снимает клещами трубу, разглядывает)
Порядок! Не гнется, не корежится. Как чугуна. Все соблюли, всю науку.

Миле
Эх, Федор Кузьмич, вот бы нам эмали добить, да в натуре отэмалировать. А то ведь это все туштышки. А меня Петр Максимыч после того раза и в цех не пускает. Нет эмали, хоть воруй.

Полтораев
Ну, мне здесь больше делать нечего. Мартов, пошли. Спектакль окончен.

Глеб
Я еще немного. Я сейчас.

Полтораев
Ах, так? Учтем.

Полтораев демонстративно уходит, уступая в дверях дорогу входящему начальнику цеха.

Начальник (долго смотрит вслед Полтораеву, затем с улыбкой)

Все бузишь, Петрикин? Все бузишь?

Петрикин (резко)
Я не бужу. Не бузю.

Начальник
Ну, ну... Я ведь любя...

Петрикин
Лучше бы ты поменьше любил меня, товарищ Рязанцев, а больше бы помогал.

Начальник (защищаясь)
Федор Кузьмич, сам знаешь, как дело-то оборачивается. Директор, слышал, чего говорит? Нам эти трубы, говорит, ни к чему. С плана их снимали. А так с ними одна морока. Какой, говорит, глупый мерин сам на себя хомут натягивать станет? Верно говорит, золотые слова.

Глеб (задумчиво, ни к кому не обращаясь)
А я вот, вспоминаю, был на практике. На Чернопушенском комбинате. Так ведь там с трубами, знаете, какая канитель... Там у них кислоты агрессивные, ну и температура. Такая коррозия — никакой металл не выдерживает. Что ни день, то меняют трубы, что ни день, то меняют... (Пауза.) Одной работнице... кислотой... в лицо... в глаза... (Пауза.) Да, там бы эмалированные трубы очень, очень пригодились...

Начальник

Правильно! Правильно говорите, молодой человек. Золотые слова!

Миля

Не пойму что-то. Директор говорит нет — правильно! Представитель от науки говорит да — обратно правильно. Неправильно это, не может так быть!

Начальник (смотрит с любовью на Милю)

Правильно, Миля, правильно говоришь. Не может быть. Золотые твои слова!

Занавес

СЦЕНА 7

Конторка начальника эмалищеха (как в сцене 1). Начальник и Барышкин — за столами. Посреди верхом на стуле — Полтораев. У стола начальника — Лида.

Барышкин (к Полтораеву)

Ну, как, товарищи ученые? Смотрели петриковский станок? Какое же ваше просвещенное мнение?

Полтораев (дергается)

Чепуха на постном масле. Бред. Кустарная мастерская па чинке негодных при- мусов.

Начальник

А все-таки...

Полтораев

Пустышки! Подумать — такое тонкое дело! Каждая пылинка, каждое дуновение воздуха играет роль. Мне, правда, лично не приходится, но надо же иметь на плечах... (Берется за голову.)

Барышкин (с интересом)

А ну, а ну!.. Дуй до горы, Виктор Петрович!

Полтораев (к начальнику)

Я с вашего разрешения забегал в эмалищех. Это же храм! Первоклассная поликлиника! Работницы в белых халатах!

Барышкин (посмеиваясь, к серьезно слушающему начальнику)

Верно, верно, Лексеич, чего ты смеешься, — человек дело говорит.

Полтораев (оборачиваясь)

А как же! Десятилетиями, может быть, столетиями эти, как их... старальцы... отельцы...

Начальник

Умельцы?

Полтораев

Вот-вот! Из рода в род передавали свои секреты. Секреты эмалирования! От отца к сыну, от сына к внуку...

Лида (в сторону)

Ну, завел тут «отца и сына и святого духа»... (Уходит.)

Полтораев

Мы должны, как зеницу ока, беречь наследство. А тут какой-то... не эмалировщик!.. — суется со своими фантазиями.

Барышкин (в восторге)

Край, Ванька, бога нет! Рубай под корни!

Полтораев (поражен)

Что вы говорите? Ах, так... (Смеется.)

Дальше. Возьмем теорию. Какая может быть теория у такого причудливого искусства?! Сами судите!

Начальник мычит.

Барышкин

Давай-давай! Режь правду-матку! Ножиком!

Полтораев

Благодарю вас! И вот, приезжает какой-то одержимый — я говорю о Горужкине — и ничтоже сумняшеся изрекает: «Чем быстрее эмалировать, тем лучше». Па-че-му? Ат-че-го? Я, например, считаю наоборот! Чем медленнее, тем лучше. Вот! Гениальная идея! Если бы мы могли нагревать трубу сутки!.. Двое суток!.. Неделю! Вот тогда!.. (Хлопает себя по лбу, срывается с места, убегает.)

Барышкин

Гений! Гений человечества! Абсолютный кретин. (Пауза. Собирается рассказать что-то смешное.) Лексеич, слуш-ка.

Еду я вчера на своем драндулете, смотрю, а навстречу однорукый, председатель наш, Василий Иванов...

Начальник (прерывает, задумчиво)

А как ты считаешь, Петр Максимыч, не дали мы с тобой маху с этим станком? Только честно?

Барышкин

Ты, что, заболел? Пощупай затылок...

Начальник

Да нет, серьезно.

Барышкин (меняет тон)

Ах, тебе серьезно? Пожалуйста. (Придвигает счеты.) Кто наделал полгода назад бракованных труб на 300 тысяч рублей? Лексей Лексеич! Кто так и не добился их освоения? Лексей Лексеич! Кто пять раз в управление выезжал, кланчил, чтобы сняли трубы? Ведь дело до замминистра дошло! Лексей Лексеич! Так или не так?

Начальник (медленно)

У Алексея Алексеевича еще технолог есть. Инженер Барышкин.

Барышкин (отбрасывая на счетах)

И технолог. Пускай, не возражаю. И технолог. А теперь смотри — трубы нам сняли? Сняли, плана нет. Дышать стало легче? Легче: три месяца премиальные платят. И вдруг из давно забытой, заросшей бурьяном могилы высовывается костлявая рука... Чья рука? Твоя? Моя? Да нет, старого черта Федьки Петрикина. Неужели у тебя, Лексеич, не хватит гражданского мужества взять хороший дрючок и так звездануть по этой руке...

Начальник

Фу, Максимыч, как ты нехорошо говоришь... (Снимает трубку.)

Барышкин

Зато честно... (Ухмыляется.) Чудак-дядя, ищет правду. (Свистит.) Долго ищешь...

Начальник

Алло, дайте мне... три звоночка... Лида? Лида, принесите мне план реконструкции. (К Барышкину.) Ну, а партийный билет? А совесть?

Барышкин (пренебрежительно, машет рукой)

Ну, совесть...

Входят Глеб и Лида. Начальник смотрит на Барышкина.

(Запальчиво.) Чего совесть, чего совесть? Чего ты меня совестью донимаешь? Ты начальник, ты и решай. Что скажешь, то будет.

Начальник

Потом, потом... (Занимается с Лидой.)

Барышкин (еще несколько раз собирает что-то говорить, потом, успокоившись, к Глебу)

Ну, как оно-ничего? Как молодость? Как станок?

Глеб (уклончиво)

Я человек новый, Петр Максимыч.

Барышкин

Ну, и что? Своего мнения не имеешь? Надо иметь. Комсомолец?

Глеб

(помолчав)

Член ВЛКСМ.

Барышкин (приглядывается)

Слушь-ка, мил-человек... Память девичья — позабыл я чтой-то... Тебя как звать-величать?

Глеб

(смущенно)

Глеб Анатольевич. Можно просто Глеб.

Барышкин (нежно)

Глебушка! Ситненький! До чего же хорошо! Вот что, Глебушка, давай-ка, посидим на диванчике. Потолкуем. Тет-а-тет, как говорит ваш Сан Саныч... (Обнимает, усаживает на диван, закуривает, предлагает Глебу. Торжественно-иронически.) Ну, как она, матушка Москва? Шумит, гремит?

Глеб

Да ничего...

Барышкин

Слушай-ка, Глебушка, там у вас, говорят, Есенина опять разрешили? Так и дуют на всех вечерах почем зря?

Глеб

А его и не запрещали. Я два раза был...

Барышкин

Ну, это ты брось. Я-то постарше, больше знаю. (С чувством.)

Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая.

Пей, сука, пей!

Эх, и здорово!

Глеб смущенно молчит.

Чертушка, а ведь ты, поди, и сам стихи пишешь? Признавайся, угадал ведь? Угадал?

Глеб

Да нет, Петр Максимыч, с чего вы это взяли?

Барышкин

Ох, врешь! Ну, ладно, я ведь все равно узнаю. (Неожиданно.) Выпить хошь?

Глеб

Что вы, Петр Максимыч!

Барышкин

Ну, не хошь, как хошь. В случае чего — имей в виду. У Барышкина в сейфике (подмигивает) цз-два-аш-пять-о-аш. Самый заветный.

Глеб

Петр Максимыч, что я хотел попросить...

Барышкин

Ну-ка, ну-ка?..

Глеб

Позвольте мне взять у вас в цехе немного эмали. Для опыта. Я хотел Алексея Алексеича спросить, да всё... Надо же, наконец, попробовать. Мне, почему-то, кажется, что с трубами должно получиться. Станок Федор Кузьмич с Милей наладили, дело за небольшим.

Барышкин (проникновенно)

Эх, ты, голуба, какой! Эмали тебе! А луны с неба не треба? (Внезапно.) Да бери, бери, Глебушка. Что мне ее, жалко, что ли, дрянную такую? Бери, сколько хошь. Для хорошего человека... А Лексичу не говори — нипочем не даст. Сходи-ка ты прямо в цех, там работница есть — Дуся Прасина. У, краля! Жаль, муж ревнивый... Ей и скажи — дай, мал, ведерко эмали. И всё.

Глеб

Вот спасибо, Петр Максимыч! Значит, можно?

Барышкин

Только, знаешь, тово... Чтоб не очень в глаза бросалось. А то ведь народ у нас — весь цех, похлупай, растащат... (Ласково, похлопывая по плечу.) Ну-ну-ну, иди, иди, Глебушка. А я тут...

Глеб быстро уходит.

(Барабанит пальцами по спинке дивана, что-то мурлычит.) Эх, жизнь! (Откидывается на спинку дивана, глаза к потолку. С чувством.)
Сыпь гармоника. Скука, скука...

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ

Кабинет зав. отделом поэзии в редакции средне-толстого журнала. Бюсты Пушкина, двух Толстых, Маяковского. Зав. отделом (это переодетый в женское платье Валериан Семёнович) мирно беседует с Барышкиным. Звонит телефон.

Барышкин (дует в трубку)

Вьян Семённу? А кто спрашивает? Ах, автор!

А по фамилии как? Ах, так... Вьян Семённы сегодня не будет. Привет.

Валериан Семёнович

Мерси, дорогой. У меня от авторов этих — сами понимаете...

Барышкин

Сочувствую и соболезную, Вьян Семённа.

Валериан Семёнович

Э, скажите, Барышкин, а вам не снится этот — прости господи — поэтический са-мо-тёк?

Барышкин

Ну, как же, Вьян Семённа, случается. Особливо, как поужинаешь в Цэддрй. Я проверял. Всю ночь напролет — хошь выжди. Оклемаешься, а в башке — кош и мар. Кош и мар.

Валериан Семёнович (закуривая)

Кошмар, кошмар. Все, понимаете ли вы, хотя бы стать поэтами. И пионеры, и пенсионеры. И инженеры, и милиционеры. И, знаете, Барышкин? Ведь, пожалуй, если бы не мы с вами — стали бы! Ну, не все, а некоторые, чего доброго, стали бы.

Барышкин (ухмыляясь)

Костями лягем, Вьян Семённа, а не допустим безобразив. Зря, что ли, я у вас третий десяток в литрецензентах ошиваюсь?

Валериан Семёнович

Ну, так вот... Вчерашняя почта, Барышкин. Берите, берите всё. (Просматривает.) «Мерекесская баллада». Кескесё «Мерекесская»? Черт знает что, даже переписать на машинке не могут. Ясное дело — са-мо-тёк.

Барышкин

А ну, марш в портфель! (Роняет листок.)

Валериан Семёнович

Под диван... Обронили...

Барышкин (становится на четвереньки)

Ну-кося? Чевой-то тут?

Глеб Глебо

Взгляни на меня, взгляни на меня, взгляни на меня,
Махни на меня ресницами своими длинными,
Своими длинными, своими синими-синими
Ресницами, приснись мне хотя бы, любимая.
О, мне достаточно одного взгляда женщины,
И мне достаточно одного слова женщины.
О, даже слишком много — одно слово женщины,

Не отвечай мне, молчи, махни ресницами.
Я даже мысленно не назову твоего имени.

Виктория Семёновна (вроде даже обиженно)

Ну, вот, я же вам говорила.

Барышнин

Не извольте беспокоиться, Вян Семённа.
Разнесу. В пух и прах разнесу. Чай, не впер-
вой.

Варвара Семёновна

Да, да, и похлеще, похлеще. Начните так:
«Уважаемый тэээщ». Или даже так: «Уважае-
мый и дорогой». Ну, конец вы знаете: «Жму
руку. С тэээщеским приветом, литконсуль-
тант» и тэ дэ — всё честь по чести. А посере́д-
ке — розочкой, розочкой, чтобы больше
неповодно было; но, понятно, высоко куль-
турно, высоко научно, мол, читайте Проко-
фьева, читайте, мол, Садофьева...

Глеб (открывая дверь)

Отдайте мои стихи! Слышите, сию минуту
отдайте!

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА 5

Общий номер в мерекесской гостинице.
В глубине — три кровати, на одной, заверну-
вшись в простыню, спит командированный.
Впереди слева — четвертая кровать, на ней
в пижаме сидит Полтораев. Перед ним у стола —
Глеб. Он только что пришел — в майке, с млы-
ницей и полотенцем. Справа шкаф.

Полтораев (тихо)

В высшей степени неприятная история. Гряз-
ная история. Как тебя угородило.

Глеб

Слушайте, я же докажу...

Полтораев (подносит палец к губам)

Псс!

Глеб (понижив голос)

Я же сию минуту позвоню Барышкину.
Я от него немедленно потребую.

Полтораев (свистит)

Черта с два! Он при мне эту самую, глазастую,
ну, как там ее?..

Глеб

Приснуйте Евдокия Михайловна.

Полтораев (громко)

Во-во-во! Он ее, знаешь, как два часа тер-
зал? Вся изревелась. Грозится передать в то-
варищеский суд. Па-че-му, говорит, выдала?
Кто, говорит, разрешил? Вы у меня, говорит,
весь цех разворуете!

Глеб

Да ведь он мне сам разрешил. Сам!

Полтораев (быстро)

А свидетели есть?

Глеб молчит, на постели заворочался команди-
рованный.

(То понижая голос, то громко.) Работни-
ца — шут с ней. Другой раз умней будет.
У нее, говорят, вся семья такая — рециди-
висты. Хуже с тобой. Представитель ХАПП
(хохочет) хапнул ведро с эмалью! (В сторо-
ну.) Это удачно, не позабыть! Украл у всех
на глазах. Кошмар!

Глеб

Слушайте, это же форменная провокация!..

Полтораев (охотно соглашаясь)

Пускай провокация. Пускай. Но ведь
я-то тоже не могу пропустить мимо ушей. Ведь
я, как никак, старший... Мм... Старший това-
рищ. Старший научный сотрудник Полтораев!

Глеб

Я вам, как старшему, и говорю.

Полтораев (внезапно хохочет)

Не могу — ведро эмали! Хоть бы что-нибудь
существенное. (Строго.) Знаешь, это очень
серьезно. Барышкин страшно распекся. Я его,
говорит, в цех не пушу! Это тебя. Я его, чтоб
ноги его больше не было! Забирайте его
от меня, что хотите, делайте. Шлите теле-
грамму моему профессору Боболкину, пусть
его отзовет! Сегодня он у меня ведро эмали
унес, завтра мешалку стянет — на кой мне
такие химикаты нужны? Только дисциплину
разваливают.

Командированный присел на край кровати,
подозрительно разглядывает Глеба и Полто-
раева, зашнуровывает ботинки. Выходит.

(Получает истинное удовольствие от разгово-
ра.) И ведь, спрашивается, как он узнал?
Очень просто! Пришел в цех, видит — у Про-
синой эмали на донышке. Почему? Так и так,

научный представитель унес. Как такое? Сразу на проходную... (Поднимает руку, будто держит трубку телефона.) «Алё, тут у вас не выносили ведро с эмалью? Такой... (Рассматривает Глеба.) Такой шатен, брови кисточкой, на левом виске две родинки? Вы за ним посматривайте». Главное дело что, главное дело, весь завод знает. По всем цехам раззвонил, я ведь тебя по всем цехам разыскивал. Не докумекал, что ты опять с этими... изобретателями. Я ведь думал — ну, вернешь эмаль, все-таки как-то приличней.

Входит командированный с дежурной по гостинице.

Дежурная

Что это вам, гражданин, на одном месте не сидится? Коечка чистая, две подушки, марселевое одеяло. И компания для вас подходящая — научники, из Москвы.

Командированный (надел пальто, шляпу, взял чемодан, смотрит в сторону)

От форточки тут дует. Сквозит.

Дежурная

Где же она, форточка-то? (Вздыхает.) Ну, пойдемте, переведу в другой номер. Только не обижайтесь, не люкс. Похуже этого.

Уходят. Полтораев ошеломлен. Внезапно громко хохочет.

Глеб

Все равно это ему так не пройдет, Барышкину.

Полтораев

А что, а что? Соли ему на хвост насыпешь? (Строго.) Знаешь, он ведь абсолютно прав. Ну, понятно, ты не вор, но все-таки... Как это так — приходиться в чужой дом, хозяйничать, уносить, приносить... Ведь это какой пример для рабочих? Не знаю, как посмотрит руководство института. Я, пожалуй, сожгу на переговорную, позвоню Сан Санычу. Пусть решают, пусть дают указания...

Стук в дверь.

Да-да!

Входит Боболкин с чемоданом в руке.

Боболкин

Простите, пожалуйста... Ах, так, нашел, наконец! (Ставит чемодан).

Полтораев

Сан Саныч! Каким чудом?

Боболкин

Скорым поездом. Всего растрясло. Международного нет, мягкого не достали, пришлось ехать жестким купированным. Отвратительные условия. (Снимает пальто.)

Полтораев

Сан Санч, не могу опомниться! Вы у нас обновитесь, в нашем номере?

Боболкин

Нет-нет, что вы, мне обещали освободить. Это я пока, на полчаса. Ну-ну, рассказы-вайте, как идет дело? Первые результаты? Эмаль держится, не отпрыгивает? (Жестикулирует.)

Полтораев

Погодите, Сан Санч, что же это, с места в карьер. (К Глебу.) Слушай, ты бы schoдил, хоть лицо умыл. Неудобно, все-таки.

Глеб машинально набрасывает пиджак, выходит.

(Быстро). Сан Санч, тут у нас происшествие — просто кошмар. Клеймо на весь институт. Форменная уголовщина.

Боболкин

Что такое, что такое?

Полтораев

Мартов украл в цехе ведро эмали. Унес. Говорит, будто бы с разрешения, ну да... (машет рукой) кто ему поверит? Свидетелей нет.

Боболкин

Не понимаю.

Полтораев

Хапнул. Представитель ХАПП'а хапнул ведро с эмалью. И всё! (Хохочет.)

Боболкин (кривится)

Сушите, Виктор Петрович, сколько раз я вам повторял?.. Что это за ХАПП, что за ХАПП? Ведь это крайнее неуважение к своему... альма-матер. Ведь почему это за границей каждый инженер гордится своей фирмой? Допустим, «Дюпон де Немур»! «Дженерал Электрик»! «Вестингауз»!..

Полтораев

Гордится?

Боболкин

Ну, не гордится, а все-таки... чувствует.
А вы тут — ХАПП!.. Как будто трудно
сказать — НИИ ХАПЭПз.

Входит Глеб.

Что же это вы, ма'одой чеозк? Докладывайте.

Глеб (безнадежно)

Чего еще докладывать. Всё ясно. Они тут,
консерваторы, тормозят. Не дают испытания
проводить. Ну, я и пошел в цех. Украл ведро
эмали. Вот.

Полтораев

Ай-я-яй! Ай-я-яй! Форменное клеймо!

Молчание. Боболкин подходит к Глебу,
смотрит ему в глаза.

Боболкин

Вы... (пауза) молодец, Мартóвич!
Молодец! Хвалю за инициативу! (Пожи-
мает руку. Кричит.) Так им и надо,
бездельникам, волокитчикам, бюрократам!
Так и надо! А вы... (Полтораеву.) Вы тут
всё сидите, как... попугай! Только руками
размахиваете! (Жестикулирует.) Шумиху
развели! Мне — чтоб никакой шумихи!
Мне — чтобы результаты! Диаграммы!
Графики! Таблицы! Яссс? (Наливает воду
из графина в стакан.)

Полтораев

Что с вами, Сан Саныч? Успокойтесь!..

Боболкин (Глебу, мирно)

Ну, и как? Ну, и как? Испытали?

Глеб (еще не придя в себя)

Ага...

Боболкин

И что же? Получается? Получается?

Глеб

Ага... Получается.

В дверь влетает Миля.

Миля (возмущенно)

Мартóв! Я все знаю. Пойдем в парторгани-
зацию. В редакцию. Это все барышкинские
фортеля. Это он, он!

Глеб (улыбается)

Ничего не надо. (К Боболкину.) Познакомь-
тесь — это один из авторов изобретения —

техник Чиж, Людмила Степановна. По сов-
местительству сварщик-любитель.

Боболкин (пожимает ей руку)

Очень рад, очень рад... Прошу пожаловать.

Полтораев

Замдиректора НИИ ХАПзПз, профессор,
доктор технических наук...

Боболкин

И тэз и тэз. Боболкин. Будем знакомы.

Р'шите приветствовать мерекесских
энтузиастов э... э... эмалированных труб.

Со всей ответственностью заверяю,
что отныне все трудности позади. Вам нужен
станок? В два счета провернем! И освоим!
И внедрим! И... всё! Всё! (Стоит, подняв
руку.)

Занавес

СЦЕНА 9

Лаборатория исследовательской группы (та же,
что в сценах 4—5). На столе Галины Мироно-
вы — огромный букет. За столом — Боболкин.
Миля за лабораторным столом. Галина Миро-
новна встряхивает рукой какую-то пробирку.

Боболкин (по телефону)

Боболкин! Г'рит Боболкин. Дайте мне...

ээ... кабинет заместителя директора.

Антон Иванч? Да, это я. Антон Иванч,
почему на испытательном стенде до
сих пор не установлены лампы дневного
света? Ну, конечно!.. Безусловно!..

Личное распоряжение Валериан
Семёныча. Хорошо... Хорошо...

(Кладет трубку. Сразу загорается
зеленая лампочка.)

Миля (мягко)

Сан Саныч, двенадцать целых и, запятая,
четыре десятых. Цеб-следы.

Боболкин

Двенадцать и четыре? Безобразие! (Снимает
трубку. Зеленая лампа гаснет, загорается
желтая.) Испытательный!.. Виктор Петрович?
Немедленно убавить кислород. Убавляйте.
Двенадцать и четыре десятых процента.
Что? Да, да, я и говорю — прибавить. При-
бавляйте. (Кладет трубку. Галине Миро-
новне.) Пос'ушите, уважаемая, не мелькайте,

пожалуйста, перед глазами. Мне это мешает сосредоточиться.

Кивая головой, Галина Мироновна на цыпочках выходит.

(Победоносно.) Ну, что, все забегали? Всё? У меня это... живо.

Маша (закатывая глаза)

Сан Санч, у вас колоссальный организаторский талант. Сан Санч, миленький, а как зовут вашу супругу?

Боболкин

Электрина Саввишна. Электри. Она у меня, знаете, педагог. Иностранный язык преподает.

Маша

Ах, какая прелесть — Электри! И где же Электрина Саввишна работает — в школе или в техникуме?

Боболкин

Да нет, сейчас дома. По состоянию здоровья.

Звонок телефона. Вспыхивает красная лампочка.

Боболкин

Профессор Боболкин. Лекцию рационализаторам? Ну, к чему? Я, знаете, против шумихи. Вот приедет Валерян Семёныч — тогда пожалуйста. Прошу. (Кладет трубку.)

Маша

Сан Санч, что вы говорите? Приедет Валерян Семёныч? На завод?

Боболкин (удыбается)

Ну-у... Это я так... Для пущей важности...

Маша

Сан Санч, а какой он из себя, Валерьян Семёныч?

Боболкин

Высокий. Энергичный. Интересный.

Маша

Даже интересней, чем вы?

Боболкин (польщен)

Какая непосредственность!

Входит Галина Мироновна, становится в углолок.

Маша (вздыхает)

Сан Санч, а у вас телевизор есть?

Боболкин

Что за вопрос? — с большим экраном. (Вспоминает.) Новый холодильник. Ну, конечно, ванна. Магнитофон. Бывшая персональная машина.

Галина Мироновна

Стиральная машина? Мечта! (Вздыхает.)

Продолжительный звонок телефона. Вспыхивает красная лампочка, затем остальные. Видимо, что-то испортилось; они так и перемигиваются в течение всего разговора.

Боболкин

Да-да! Слушаю! (Отрывается от трубки, значительно.) Тише, пожалуйста: Москва!

Галина Мироновна на цыпочках подходит к двери, затворяет.

Профессор Боболкин на проводе. Кто говорит? Не слышу... А, Валерян Семёныч! Добрый день, В'ян Семёныч! Докладываю: все ваши указания выполняются. График выдерживаем. Я лично не отхожу от испытательного стенда. На сегодняшний день, В'ян Семёныч, отправлено 14 таблиц. Одну минуточку... (Кладет на стол трубку, перелистывает блокнот.) Абсолютно точно, четырнадцать, не считая кривых, кривые разрабатывает конструкторское бюро. Что? Не слышу? (Дует в трубку.)

В дверь шумно врывается Полтораев.

Полтораев

Исключительная новость!..

На него шикают, машут руками, он застывает в нелепой позе.

Боболкин

Не слышу! Горюшкин? Причем здесь Горюшкин? Алло! Не понимаю... Да-да, теперь лучше. Горюшкину? Да нет, мы направляли лично вам, лично. Я лично наблюдал... Что? Из-за нашей документации? Скандал? Обвиняют? В соучастии? Меня? (Бросает трубку, оттуда что-то пищит. Полтораеву.) Что же вы стоите, как чурбан? Немедленно прекратить испытание!

Полтораев срывается за дверь.

Галина Миряновна

Что с вами, Сан Санч? На вас прямо-таки лица нет.

Миля (берет трубку)

Алë! Нет, нет, это не Сан Санч. (Быстро переняв интонацию Валериана Семёныча.) Сан Санч заболел, позвоните в другой раз. Угу... (Кладет трубку. Все лампочки разом тухнут).

Галина Миряновна

Валерьяновочка... Валерьян... (Роется в сумочке.)

Евдокья

Валерьян? Какой Валерьян?..

Миля (с презрением)

Миленький, ну Сан Санч, ну вы же все-таки мужчина, как никак. Ну, успокойтесь.

Боболкин

Да. Да. Да. (Приходит в себя.) Да, милостивые... эээ... товарищи. Вот какая оборачивается ситуация. Валерьян-то, Валерьян Семёныч — фу-фу! Снимут. По голосу чувствую — снимут! У меня на этот счет интуиция. А ведь какой был... тигр. У самого Горчакова в замах ходил. У него и повадки такие... горчаковские. Черт с ним, впрочем, туда ему и дорога. Тоже, сообразил — диссертацию защищать. Защитник. А какая у него, спрашивается, диссертация, когда он «аш-два-о» через ять пишет? Взял, понимаете ли, отчеты Горюшкина, повыдирает из них сотню листов, да еще меня заставил тряситься — к черту на рога, в Мерекес... Боже мой, боже мой, о чем я думаю? Ведь я-то, я-то попал... Все мои письма, все материалы, всё как есть... (Внезапно начальническим тоном.) Кто оформлял документацию по испытанию труб? Кто? Кто?

Миля

Сан Санч, вы успокойтесь. Допустим, я оформляла.

Евдокья

Куда, куда? Куда вы ее адресовали? По какому адресу?

Миля

Как куда? Куда надо. В Москву, товарищу Горюшкину. Лично.

Евдокья

Что вы наделали! Да как... как вы смели...

Миля опускает свои голубые, слишком голубые глаза.

Вы... Вы... Вы... Вы просто скверная, просто скверная взбалмошная девчонка.

Миля

Сан Санч, что вы волнуетесь? Куда сказано, туда и адресую.

Боболкин (задохнувшись)

Да кто вам сказал? Кто?

Миля

Как кто? Федор Кузьмич... Глеб Анатольевич... Павлик...

В дверь вваливаются Петрикин, Павел, начальник цеха, Лида, Глеб, Просина, рабочие.

(Указывая рукой.) Все... Они все сказали — шли, говорят, Горюшкину, Горюшкин разберется, что к чему.

Петрикин (запыхавшись)

Ты что же это, товарищ Боболкин?

Как это такое? Это по какому случаю — прекратись?

Начальник цеха

Алексан Санч, нет, серьезно... Я не понимаю — кажется, только на лад пошло?

Лида

Милька, ты смотри, анализ не сворачивай!

Миля

Вот еще, будто сама не знаю. Неужели же прекращать... Что я, дурочка?

Боболкин

Ах, так... (Быстро.) В первом приближении испытание закончено. Наступает новая фаза. Скурпулезное исследование в лабораторных условиях. В НИИ ХАПЭПэ.

Недовольный гул.

Возражаете? Против научного подхода возражаете? Против метода?

Петрикин

Мы не против науки, товарищ профессор. Мы за. А вот, ежели теория супротив практики повернет — тут мы возражать станем.

Евдокья (махнув рукой)

Как хотите. Мое дело сторона. Может продолжать. Может прекращать. Я уезжаю. Виктор Петрович, собирайтесь. До свиданья, товарищи. До свиданья. Дайте пройти.

Молчание.

Миля (очень нежно)

Счастливого пути, Алексан Саныч. Скатертью дорожка!..

Гаснет свет

ЭПИЛОГ

Через секунду свет вспыхивает снова. Те же и автор. Боболкин, Полтораев и Барышкин — в стороне от других.

Автор (к актерам)

Не расходитесь, товарищи, не расходитесь. Спектакль еще не окончен. Может быть, у кого-нибудь есть вопросы?

Глеб

Можно? Вот тут все время говорили про товарища Горушкина. Конечно, старые сотрудники — те знают его. А я ведь здесь недавно. В пьесе Григорий Василич тоже, буквально, промелькнул. Даже не сказал ни слова. И к тому же все время стоял спиной к зрителям. Так вот, нельзя ли...

Полтораев

Ха-ха-ха!

Глеб удивленно оборачивается.

Голова! Да ведь это же... (Указывает на автора.) Это же он и есть. Григорий Василич Горушкин собственной персоной. Соображайте?

Миля (сокрушенно, Глебу)

Опять не угадал! Вот ведь, не везет...

Петрикин (автору)

Ну, как, Григорий Василич, письмишки наши получил?

Автор

Спасибо вам за письма, друзья. Я от них себя опять человеком почувствовал. Тяжелое время было. Знаете, Федор Кузьмич, тут как раз жена заболела, мальчишка...

Петрикин

Так ты ему и поддался?

Автор

Так и поддался. А, думаю, пропади оно пропадом. Напишу начальству диссертацию

по своим работам. Но — по своим! А ведь она, оказывается, еще и ваши труды вздумал воровать. Ну, нет! Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла!

Миля

Григорий Василич, а как бы на него хоть одним глазком взглянуть. Всё ж таки выдающаяся личность!..

Начальник цеха

Нет, нет, это нереально. Валерьян Семёныч — и вдруг на заводе! Что угодно, товарищи, только не это.

Миля

Послушайте, но ведь это же в пьесе, а не на самом деле!

Полтораев (неожиданно)

Валерьян Семёныч! Валерьян Семёныч! Выйдите на сцену!

Прерывистый гул самолёта — низкий, берущий за сердце, гул. Из-за кулис появляется Валериан Семёныч. Вслед за ним выходят и другие исполнители — Директор НИИ, сотрудники НИИ.

Глеб

Она! Литредакторша! Та самая, та, которая «розочкой, розочкой, и похлеще»!

Валерьян Семёныч (пренебрежительно окинув взглядом Глеба, Автору)

Отдайте мою диссертацию! Сейчас же отдайте! Ну!

Автор молчит.

(К публике). Хы, как вам это нравится?

Прикинулся телёнком, а сам — ишь чего отколос. Накропал клеюзу, да с другими материальчиками, да со станочком этим трижды проклятым — раз! — и в театр! Ну, там кокнули — ясное дело, запашок... Туда, сюда, репетиции, декорации — скандал! Скандал на все министерство!

Полтораев (сочувственно-иронически)

Ай-я-яй, форменное клеймо! Клянусь честью... **Валерьян Семёныч** (на Полтораева)

Цыц, попка! Брысь!

Полтораев прячется за Боболкина, Барышкина.

Подумаешь, честность! Ну, не хочешь писать человеку диссертацию — не пиши... Друго-

го бы нашли... Тыфу... (Автору.) С'ышите, вы... Вам это даром не пройдет. Мы еще разберемся в этой вашей... писанине. (К публике). Видите ли, начальник ПЭТЭО ему не нравится — отрицательный тип. Представитель дирекции (указывает на Боболкина) — какая-то балаболка. Технолог цеха (на Барышкина) — прохвост. Угу! Может быть, вам вообще советская власть не нравится?

Движение в группе, где стоят Петрикин, Миля и др. Петрикин охнув, валится на табурет.

Миля

Федор Кузьмич, родненький, что с ним? Павлик, воды!

Петрикин

Я... её... советскую власть... своими руками... на фронтах... а он меня, гад... пороть ею!..

Начальник цеха

Успокойся, Федор Кузьмич. Возьми себя в руки. (К Валер. Сем.) А вы, позвольте узнать... нет, конечно, не в гражданскую, а в эту, в Великую Отечественную, на каком фронте изволили?

Валериан Семенович

Хы! Это еще при чем?

Полтораяв

Вот именно — хы! При чем здесь это?

Начальник цеха

А при том, что хотелось бы узнать, уважаемый, а что вы, собственно, сделали хорошего для советской власти?

Валериан Семенович

Это что — допрос? Да вы знаете, кто я такой есть?

Начальник цеха

Я-то знаю, а вот, знаете ли вы, что такое советская власть?

Полтораяв

Как-нибудь! Учили!

Начальник цеха

Плохо вас учили. Мало учили. Миля, ты-то как думаешь? Скажи.

Миля

Не знаю, Лексей Лексеич. Не знаю, как и сказать. Ну, наш завод. Депутаты. Федор Кузьмич, Павлик, Люба Просина, советские люди — вот это и есть советская власть.

Начальник цеха

Молодец, Миля. Ну, а ты, Моисей Израи-

левич, где ты здесь? Скажи-ка нам, Моисей Израилевич, что такое советская власть.

Моисей Израилевич (медленно)

Советская власть, это, по-моему, пятьдесят лет без погромов.

Начальник цеха (к Глебу)

Ну, а вы, молодой человек?

Глеб

Я думал... Я считаю... Для меня выше всего — наука... Наука с большой буквы... Лобачевский... Ландау... Капица...

Полтораяв

Эх, куда метнул!

Глеб

И еще — стихи... Стихи о любви... Владимир Маяковский... Сергей Есенин...

Полтораяв (саркастически)

И Мартов! Глеб Мартов!

Начальник цеха

Правильно, и Мартов. А почему бы нет? Был бы только талант. А вот у вас, уважаемые, у вас какой талант?

Валериан Семенович

Ну, мне здесь больше делать нечего.

Начальник цеха

У вас талант — держать и не пущать!

Только — какой же это талант? Старая песня — глаза завидующие, руки загребущие... Ну, я понимаю — Барышкин.

Лентяй, пьянчуга, равнодушный человек.

Но вы-то, вы, Сан Саныч? Вы-то ведь — еще ученый! Вы почему — там, а не здесь?

Боболкин

Собственно, я магу... Почему же? (Жалко улыбаясь, делает шаг вперед.)

Валериан Семенович

Послушайте, вы, автор... Пора кончать. Занавес, дайте занавес. Спектакль окончен...

За стеной хрипит радио: «Проверьте часы». Удары.

Ваше... время... истекло...

Миля

Нет, дудки! Это ваше (указывает поочередно пальцами на Валер. Сем., директора, Боболкина и др.) ваше, ваше, ваше, ваше время истекло! И можете проваливать! Счастливого вам пути! Век бы вас больше не видеть! Скотертью дорожка!

Занавес